

Правовой аспект связан с тем, что методы, применяемые при использовании полиграфа, должны в полной мере гарантировать реализацию таких конституционных принципов, как законность, неприкосновенность личности, уважение ее чести и достоинства. Кроме того, проводимое исследование не должно нарушать ст. 26 и 27 Конституции Республики Беларусь, закрепляющие принцип презумпции невиновности и право на отказ от дачи показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Если с отказом от дачи показаний вопросов не возникает в силу того, что исследование с применением полиграфа проводится только с добровольного согласия опрашиваемого лица, то вопрос о соблюдении принципа презумпции невиновности остается открытым, ведь при проведении психофизиологического исследования лицо вынуждено отвечать на заранее подготовленные вопросы односложными и категоричными ответами. Нельзя проигнорировать и то обстоятельство, что вопросы о причастности к совершению преступления и владении имеющей значение для дела информацией являются прерогативой субъектов доказывания, к которым специалист-полиграфолог не относится.

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что сведения, полученные в ходе исследования с применением полиграфа, не могут быть оценены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства с точки зрения допустимости и достоверности. При этом не оспаривается использование результатов применения полиграфа в качестве ориентирующей информации для органов предварительного следствия и суда. Заключение эксперта о проведении судебной психофизиологической экспертизы юридически относится к источнику доказательств, однако фактически существует риск придания видимости доказательственного значения использованию полиграфа.

Впрочем, несмотря на высокий научный и практический интерес к проблеме использования результатов исследования с применением полиграфа в уголовно-процессуальном доказывании, она в большинстве своем остается недоработанной на научном уровне и требует дальнейшего научного осмысления и законодательного регулирования.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Принуждение как метод государственно-правового воздействия достаточно распространен в уголовном процессе. Этот метод проявляется в уголовном процессе в различных мерах процессуального принуждения. Существуют разные подходы к их классификации. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь законодатель к ним относит задержание, меры пресечения, иные меры уголовно-процессуального принуждения. По нашему мнению, требуют теоретического осмысления вопросы о том, существует ли уголовно-процессуальная ответственность как одна из мер принуждения и какие меры принуждения к ней относятся.

В науке уголовного процесса есть различные мнения относительно наличия такого вида юридической ответственности. Некоторые авторы отрицают ее самостоятельность, другие признают ее существование как отдельного вида юридической ответственности. В частности, в обоснование ее наличия в уголовном процессе отдельные авторы исходят из того, что каждая отрасль права наделена собственным специфическим методом правового регулирования, одним из необходимых элементов которого является юридическая ответственность; в уголовно-процессуальном праве присутствуют нормы, имеющие в своей структуре санкции, которые в том числе обеспечиваются данным видом принуждения.

Исходя из анализа норм УПК, мы придерживаемся точки зрения о существовании уголовно-процессуальной ответственности. Это средство принуждения присуще сфере общественных отношений, возникающих по поводу совершения уголовно-процессуального правонарушения. Уголовно-процессуальную ответственность можно определить как меру процессуального принуждения, применяемую к участнику уголовного процесса в связи с совершением им правонарушения, заключающуюся в возложении на него различных обременений, лишений и ограничений, т. е. штрафной обязанности, которую виновное лицо должно претерпеть. В связи с этим данная мера процессуального принуждения имеет ретроспективный характер и представляет собой карательно-воспитательный способ воздействия на участников уголовного процесса.

Анализ УПК показывает, что к мерам уголовно-процессуальной ответственности можно отнести: наложение денежного взыскания на поручителя при применении в отношении подозреваемого, обвиняемого личного поручительства, а также на лиц, под присмотр которых был отдан несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый при применении к нему меры пресечения в виде отдачи несовершеннолетнего под присмотр (ч. 4 ст. 121, ч. 3 ст. 123, ст. 134 УПК); обращение суммы залога в доход государства (ч. 8 ст. 124, ст. 134 УПК); удаление из зала судебного заседания (ч. 1 ст. 307 УПК). Эти меры уголовно-процессуальной ответственности наделены самостоятельной процессуальной природой.

Вместе с тем содержание мер уголовно-процессуальной ответственности воспринимается неоднозначно. В частности, некоторые авторы относят к ним принудительно-восстановительные меры (отмена решений органов уголовного преследования, возврат прокурором уголовного дела для проведения дополнительного предварительного расследования и т. д.). С данным мнением мы не солидарны, так как принудительно-восстановительные меры не налагают на лицо какую-либо штрафную обязанность. Их цель – восстановить правопорядок путем отмены или изменения незаконных и необоснованных решений. Правовая оценка действиям виновных должностных лиц, принявших незаконные либо необоснованные решения, может быть дана в рамках материальных отраслей права, а не уголовно-процессуальной ответственности. То же самое касается и привода, который не является видом процессуальной ответственности, а преследует цель обеспечения порядка предварительного расследования и судебного заседания, а также надлежащего исполнения приговора.

К уголовно-процессуальной ответственности также относят изменение более мягкой меры пресечения на более строгую. На наш взгляд, данная позиция авторов весьма неоднозначна. Изменение меры пресечения на более строгую не возлагает какой-либо штрафной обязанности на лицо, оно имеет ту же цель, что и ранее примененная мера пресечения. В данном случае, по нашему мнению, имеет место применение правоохрнительного пресечения с целью недопущения дальнейшего ненадлежащего с точки зрения интересов уголовного процесса поведения лица. В связи с изложенным отнесение изменения более мягкой меры пресечения на более строгую к уголовно-процессуальной ответственности, на наш взгляд, является некорректным. На нашу точку зрения можно возразить, что более мягкая мера пресечения, как правило, изменяется на более строгую при совершении подозреваемым, обвиняемым нового общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Однако применение меры пресечения в этом случае не порождает какой-либо штрафной обязанности в сфере уголовно-процессуального законодательства, а преследует цель привести его поведение в состояние, соответствующее интересам производства по уголовному делу. С целью оказания на таких лиц карательно-воспитательного воздействия в дальнейшем в отношении их применяются меры уголовной ответственности. Следовательно, изменение меры пресечения с более мягкой на более строгую является усилением правоограничения, а не возложением какой-либо штрафной обязанности.

Тем не менее анализ ч. 1 ст. 126 УПК позволяет сделать вывод, что некоторые черты юридической ответственности при применении заключения под стражу к подозреваемым, обвиняемым по мотивам одной лишь тяжести инкриминируемого им преступления, ввиду того что данная юридическая процедура носит карательный характер, что, полагаем, не отвечает целевому назначению применения заключения под стражу – устранить возможность совершения лицом, взятым под стражу, ненадлежащих с точки зрения интересов производства по уголовному делу действий. Однако некоторые ученые считают, что факт подозрения или обвинения лица в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений подразумевает дальнейшее ненадлежащее поведение лица и совершение действий, служащих основаниями для применения меры пресечения. На наш взгляд, «автоматическое» допущение совершения подозреваемым, обвиняемым таких действий по инкриминируемому им преступлению противоречат требованиям ч. 1 ст. 117 УПК, согласно которой меры пресечения могут применяться только при наличии в уголовном деле доказательств, дающих основания для применения данного вида средств принуждения и предусмотренных ч. 2 указанной статьи. В связи с этим считаем, что применение заключения под стражу по мотивам одной лишь тяжести преступления является проявлением юридической ответственности, которая одновременно имеет уголовно-процессуальный и уголовно-материальный характер, так как возлагает на лиц процессуальную обязанность претерпевать последствия действия меры пресечения в связи с тем, что им инкриминируется совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Некоторые ученые выражают мнение о необходимости отнесения удаления из зала судебного заседания к иным мерам процессуального принуждения (гл. 14 УПК), т. е. исключения этой меры принуждения из содержания мер уголовно-процессуальной ответственности, мотивируя тем, что это средство принуждения призвано обеспечить порядок судебного заседания. Нисколько не сомневаясь в том, что эта мера принуждения преследует вышеуказанную цель, полагаем, что она применяется также с целью оказания на лицо воспитательного воздействия путем лишения его права присутствия в судебном заседании (возлагает на лицо штрафную обязанность), ее основанием является совершение процессуального правонарушения. Это позволяет нам относить удаление из зала судебного заседания к мерам уголовно-процессуальной ответственности.

Таким образом, в сфере процессуального принуждения существует отдельный вид – меры уголовно-процессуальной ответственности, которые применяются в связи с совершением процессуального правонарушения и возлагают на лиц определенные штрафные обязанности.

УДК 343.9

И.А. Анищенко

ТАКТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящее время такому процессуальному действию, как назначение экспертизы, а в связи с этим и оценке ее результатов, отведено отдельное место в криминалистической тактике. Значение экспертизы для раскрытия и расследования преступлений, несомненно, велико, что подтверждается вниманием, уделяемым тактике назначения и оценки экспертиз органами уголовного преследования. Изучению процесса оценки заключения экспертизы посвящено немало трудов белорусских ученых, таких как Г.И. Грамович, А.С. Рубис, А.И. Швед, однако тактическим особенностям подготовки материалов и процессу вынесения постановления о назначении экспертизы со стороны ученых практически не уделялось внимание. Процессуальные аспекты данной процедуры урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. В то же время возникают вопросы: как тактически грамотно составить постановление и сформулировать его содержание, которое, с одной стороны, будет в полной мере отражать сведения, необходимые эксперту для успешного проведения исследования и оформления заключения, а с другой – позволит проследить суть исследования и определить его будущую роль в системе доказательств по материалам или уголовному делу, отразит последовательность и непротиворечивость процесса предоставления объектов эксперту? Сведения, отражаемые в постановлении о назначении экспертизы, не должны быть абстрактными, а иметь отношение к каждому конкретному эпизоду преступной деятельности и могут варьироваться в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Необходимо также определить, какие сведения следует отражать в постановлении, а какие не несут для эксперта никакой смысловой нагрузки. Для ответов на эти и другие вопросы нужно обобщение опыта органов уголовного преследования и выработка на его основе научно обоснованных тактических рекомендаций по назначению экспертизы, а также переосмысление теоретических подходов к процессу оценки заключения эксперта.